
Что будет, если я тебе скажу,
мол, катится сентябрь по этажу,
в капрон скрывая ласточки лодыжек?
Тепло уходит, мало ли нам бед,
зато приходит маленький сосед,
раскутывает маленькие лыжи.
Консьержка заменяет сухостой
на астры, в их строении простом
присутствует желание пробиться.
А я, скорее, бархатец. В дожди
я погибаю с лёгкостью в груди,
подобно миллионам чернобривцев.
Отставить меланхолию зовут
день города, день выборов, салют.
Оставим их для грусти разрешённой.
Что будет, если я тебе солгу,
мол, солнце не останется в долгу
и вытеплит ложбинку для влюблённых?

Мы так долго живём, погружённые в чудо,
что закончился лес, что луга начались.
Так стоит особняк, и гуляют в нём люди,
и гуляет в нём шторм, и витийствует жизнь.

Так стоишь и сопишь, утомлённая сводня,
лампа-лапа-растяпа, живой огурец.
Только принял вчера, нужно выжать сегодня,
годовых на коленку примерить колец.

Чем подушка полна?

Кто присутствует в теле?

Кто чеканит морщинок кудрявый ожог?
Мы так долго живём, что, скажи, не весне ли
подбегать в переулке с карманным ножом?

Для чего мне гортань, альвеолы, желудок,
если я не могу о серьёзном хрипеть?
Мы так долго живём, погружённые в чудо,
что осталось молчать, что осталось терпеть.

Росток

А дома не было, была
под сердцем крошечная мгла,
и в ней горошина жила –
пыльцой на пальце.
Когда же корни подросли,
то не хватило им земли.

Не бойся, тело, не боли.
Чего бояться?

Смотри, смотри-ка, корешок
на небо лазалку нашёл.
Лишь обращаться хорошо –
твоя забота.

Так и живём, так и живёт.
Как платье, носит тела свод.
А то, что горлом кровь идёт, –
всего делов-то.

Бычок

Ты вырос. Ничего не удержать.
Ни музыку, что в горле шевелится,
ни ощущений жалкий урожай,
ни анемонов бархатные лица.

Такая хлябь, хоть гусениц спасай.
Хоть выноси из жизни на закорках.
Звенит мечом обида-самурай,
вытаскивает душу из-за шторки.

А ты чего? Пожухлая трава.
А ты пошёл за хлебом и распался
на бабочек – хранитель естества
земли и пыли, пыли и пространства.

А ты ловил на удочку звезду,
а ты держал фантазию за шею.
А что теперь? Вздыхаешь на ходу,
ни досточки, ни страха не имея.

Смерть да смерть кругом.
Замерзаешь в ней,
как в дыму жиллом,
как внутри камней.

Сон со всех сторон.
Поле без конца.
Жил когда-то звон
в теле бубенца.

Жил да и погас,
кошечкой притих.
Проведёт ГорГаз
свет для малых сих.

Заживёт кольцо
в домике лица.
Вот идёт мертвец.
Улы-ба-ет-ся.